

На протяжении ста десяти лет в России существовала школа японского языка, с 1705 по 1753 г. — в Петербурге, а с 1754 по 1816 г. — в Иркутске. Преподавали в ней японские моряки, доставленные с Камчатки. Лишь один из учителей этой школы — Андрей Богданов — родился в России, но отцом его был японский моряк Санима, доставленный с Камчатки в Петербург в 1714 г.

Всего за сто пятьдесят лет (до 1850-х гг.) на Камчатке побывали десятки потерпевших крушение японцев. Несколько человек попали на полуостров насильно: они были захвачены русскими на Курильских островах и Южном Сахалине и доставлены в 1806 г. на судах «Юноне» и «Авось» Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым и в 1812 г. П. И. Рикордом на шлюпе «Диана». По-разному сложились их судьбы. Многие погибли в стычках с местными жителями, умерли от голода, холода и болезней, некоторым посчастливилось вернуться на родину, часть спасенных приняла православие и осталась в России. Были среди них и чистокровные самураи, и купцы, но большинство являлось простыми моряками.

Те, кому довелось вернуться в Японию, много сделали для изменения представлений о России и русских к лучшему. Они расставались с русскими людьми со слезами на глазах, рассказывали об их доброжелательном отношении к ним. Искренне дружеские отношения сложились у Кодаю Дайкокуя с камчатским чиновником Т. Ходкевичем, комендантом Нижнекамчатска Орленковым, профессором К. Г. Лаксманом и его сыном Адамом, у Такадая Кахэи — с командиром «Дианы» П. И. Рикордом, захватившим его в плен, но относившемуся к нему, как к равному.

Почти все японцы, попавшие на Камчатку, стали жертвами стихии. Некоторых из них доставили на полуостров с Курильских и даже с Алеутских островов. Ни одно из потерпевших крушение судов не плавало к берегам Камчатки специально. Японские суда были приспособлены лишь для прибрежного мореходства. Русские называли их «бусами». Буса — это большая лодка с одной мачтой и одним парусом, без надстроек и кают, на ней имелся лишь трюм для грузов.

Вот какое описание бусы дает Денбей: «... японские суды делаются без крышек, только для бережения товаров делается на всяком судне по чулану с покрывкою. А как на море бывает дождь, тогда дерево щогольное (щоголь — мачта. — В. А.) снимают и положат вдоль по судну и покрывают от дождя бумагою, которая держана в рыбьем жиру. А как великими волнами судно станет бить и в судно воду плескать, и по самой нужде то судно лехчат (облегчают. — В. А.) — бочки с вином и иные тяжелые товары бросают в море; а как то их судно лехко будет, тогда воды в него плескать не станет, и то судно по мюрю носит многие месяцы» [18, с. 506].

Экипаж бусы обычно составляли 15—20 человек. Вот как описывает состав команды такого судна со слов жителей Итурупа исследователь Куриль-

ских островов казачий сотник Иван Черный: «Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по 16 работных, да, кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман. — *В. А.*), четвертый толмач — тунчи и того 20 человек» [19, с. 140].

Законами Токугавы, «закрывшими» Японию от внешнего мира в 1637—1639 гг., запрещалось строить более крупные суда, так как эти законы запрещали японцам покидать пределы страны. Мореходство в Японии было развито с древнейших времен. Море для японцев всегда было кормильцем, по нему же шла основная торговля между прибрежными городами и княжествами. Навигация проходила круглогодично. Известно, что в гавани Эдо (Токио) и Осаки ежедневно заходили до 100 и более судов с разными товарами. Многие из них не достигали цели. Они либо гибли в пути, либо их выбрасывало на побережье Китая, Филиппин и даже Америки.

Американский историк Д. Кин пишет, что в 1685 г. португальцы доставили в Нагасаки 12 японских моряков, выброшенных близ Макао в Южном Китае [5, с. 51].

На первом заброшенном таким образом на Камчатку судне, о котором сохранились достоверные свидетельства, плыл Денбей Татэкава. Его в 1697 г. нашел В. Атласов в ительменском селении в районе р. Ичи. «И... пошел он, Володимер, вперед подле Пенжинское (Охотское. — *В. А.*) море на Ичу реку. И услышал он, Володимер с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик... И он де, Володимер, велел его привести к себе... И сказался тот полоненик ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством» [4, с. 23].

Это первое сообщение В. Атласова об иноземце, найденном им на Камчатке, было записано в Якутске 3 июня 1700 г. Из слов пленника Атласов понял, что он из Индии и называет его «индейцем». Эта ошибка Атласова вызвана созвучием названий «Индия» и «Эндо» (Эндо или Эдо — так прежде называли город Токио). А Узакинское государство — княжество и город Осака. Вот как передает Атласов рассказ Денбея о его странствиях: «Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая цениная (фарфоровая. — *В. А.*) посуда. И у них де на одной бусе дерево (мачту. — *В. А.*) сломило и отнесло их в море, и носило шесть месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их, 3 человек, курильского народа мужики, а остальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму не привычны: кормятся де они, курилы, гнилою рыбою и кореньем. И тот индеец им... сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет, и был

подьячим и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он, Володимер, в Якутской» [4, с. 23].

В. Атласов из-за плохого перевода не совсем точно излагает некоторые сведения о приключившемся с Денбеем. Атласов привез пленника в Анадырский острог и хотел его сам доставить в Якутск. «И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей (непривычен. — *В. А.*) и итти было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анадырской» [4, с. 24].

Через восемь месяцев после первой «скаска» 10 февраля 1701 г. в Москве в Сибирском приказе была записана вторая «скаска» Атласова. Атласов еще не знал, что найденный им «полоненик» — японец: «А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухошав, ус невелик, волосом черн... У иноземцов жил он до него, Володимера, два ж годы. А сказывался индейцом, и золото де у них родится много, палаты ценные (мраморные. — *В. А.*), а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены» [4, с. 30].

Со «скаскакой» Атласова ознакомился Петр I. По его требованию в Якутск было послано указание: срочно доставить иноземца в Москву. Якутский воевода Дорофей Траурнихт отправил Денбея в сопровождении казачьего пятидесятника Софронеева. В конце декабря иноземца благополучно доставили в столицу, и в начале января 1702 г. в селе Преображенском с ним беседовал сам царь, а в Сибирском приказе со слов иноземца записали «скаску». В ней он впервые назван японцем. Денбей приводит множество интересных сведений о государственном устройстве, географическом положении, климате Японии, религии, хозяйстве, торговле, занятиях жителей, быте, мореплавании, вооружении армии. Из этого документа в наше время стало известно точное имя и фамилия Денбея — Дэмбэй Татэкава. Его подпись под «скаскакой» в 1968 г. расшифровал японский археограф С. Хаттори.

Рассказ Денбея о его приключениях уточняет пересказ Атласова: «А тот полоненик... сказался: Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осака... А он де, Денбей, с товаром хозяина ево с наемными людьми всего 15 человек на судне, да с ними на иных на 30 судах — на бусах, или на кораблях... Пошли было парусами по морю-окиану того ж Японского острова (Хонсю. — *В. А.*) в город Енду (Эндо — Токио. — *В. А.*), который стоит на взморье, разстоянием от Асакка с 700 верст. А товары с ними были: пшено сорочинское да вино пшонное (сакэ. — *В. А.*), да камки (шелковая ткань с рисунком. — *В. А.*) и китайки (бумажная светло-желтая ткань. — *В. А.*), бумага хлопчатая, сахар белой мелкой, что мука, и леденец, да дерево сандал, да железо — для меня на шелк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото, и на серебро, для того, что серебро и золото печатают только в двух городах — в Меаке (дословно — столица, имеется в виду город Кио-

то. — *В. А.*) и в Енде, и владетель их (император. — *В. А.*) в тех двух городах, переезжая, живет.

И на океане де море их суды волнами рознесло... А их де судно носило по морю великим ветром 28 недель, и они де, избывая от ветру, щоглу с парусами срубя, опустили в воду, а с теми парусами потонуло у них 2 человека. А в том судне была с ними пресная вода, взятая из Осака города, и той воды стало им на 2 месяца, а как воды не стало, тогда они пшено варили в вине и, то вино выщедя, подсычивали пшено сахаром, леденцом и понемногу питались. И как де ветры престали, тогда они по матошнику (компасу. — *В. А.*) усмотрели, что их далеко в море занесло, стали вымышлятьца, как бы им назад возвратитца? И нашли на море небольшое дерево с коренем, и то дерево вместо щоглы на судне они поставили и сшили из камок парусы.

И теми парусами принесло их к Курильской земле (так Атласов назвал южную часть Камчатки, населенную курильцами-айнами. — *В. А.*), и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх, и дошли до курильского народу (впоследствии И. П. Козыревский писал, что это была река Опала. — *В. А.*). И от тех курильских народов пришел к ним один человек, и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомильца, стали для познания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадалские и курильские земли у народов никакова письма нет, — и пошел от них прочь. А наутро де пришло их в 4 лодках человек с 20 и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200, и почали на судно по них, Денбею с товарищи, стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить, и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки, и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали, и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с 500 бочек, — понюхав, бочки розсекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду, а бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и в Камчадалской земле никакой посуды у иноземцев нет, а рыбу кладут в ямы, а поверх накрывают деревьем и травою. И та рыба вся измыловееет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою, и разогревают горячим камнем, да к тому прибавляют грибов мухоморов, и то пьют, и гостей, свою братью, подчивают, и бывают оттого пьяны.

А он де, с товарищи Денбей, того их питья пить не могли, а ели корение и рыбу, которая не больно залежалась.

Да и оне ж, курильские люди, двух человек из них, которые, будучи на судне, на море от великих слез ослепли, — убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и сvez на Камчатку реку (видимо, на Ичу. — *В. А.*). А това-

рищи ево 10 человек остались у тех курилов (Атласов говорит о трех пленниках. — *В. А.*). А вместе он с товарищи своими жил у тех курилов с месяц.

А на Камчатке реке жил он, Денбей, до приходу Володимера Отласова с товарищи близко году (Атласов говорит — два года, то есть, по Денбею их выбросило на камчатский берег в 1696 г., по Атласову — в 1695 г. — *В. А.*), и по их камчадальскому языку немногие слова стал познавать, и слышал от тех камчадалцов, будто к той Курильской земле приходили люди на бусах, или на кораблях, и тех товарищев ево 10 человек взяли с собою, а их ли Японские земли или китайские люди были, про то он не ведает (скорее всего, это были айны с южных Курильских островов, которые торговали с японцами и привозили японские товары на север и на Камчатку в обмен на каланов, орлиные хвосты и перья. — *В. А.*).

И как Володимер Отласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де, Денбей, видя у них в ествах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули, и Володимер де с товарищи взяли ево, Денбея, к себе, а камчадальским иноземцам не отдали, и вывезли в Сибирскую землю.

А как он, Денбей, из города Асакка на море пошел — тому ныне седьмой год (то есть он вышел из Осаки в 1695 г. — *В. А.*). И в городе Осакка есть у него, Денбея, жена да двое детей» [18, с. 504].

«А из дому он, Денбей, пошел зимою... А та Курильская земля, как оне от востоку шли, была у них в правой стороне... А в Камчатской земле до зимы жил он, Денбей, 6 месяцев (можно понять, что к Камчатке их принесло где-то летом 1695 г. — *В. А.*)» [18, с. 506].

Еще одну интересную деталь приводит Денбей из своей жизни на Камчатке: «А в Курильской де земле тамочные народы взяли у них, Денбея с товарищи, меньших золотых (монет. — *В. А.*) 2 ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадальские народы, не знают, роздали играть детям своим» [18, с. 507].

Дальнейшая судьба Денбея сложилась так, что вернуться на родину ему уже не довелось. Петр I приказал обучить его русской грамоте «и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить повыкнет и русских робят своему языку и грамоте научит, и ево отпустить в Японскую землю» [12, с. 9].

Но это обещание не было выполнено. Известно, что в 1710 г. Денбей обращался к Петру с просьбой отпустить его на родину, но получил отказ, так как путь в Японию в то время был неизвестен. По приказу царя его крестили, дав имя Гавриил. Петр распорядился содержать Денбея за счет казны. Известно, что в октябре 1705 г. он приказал генерал-майору Я. В. Брюсу выяснить, выучился ли он русскому языку и «своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит ли?» [9, с. 55].

Денбей преподавал сначала в школе для изучения иностранных языков при Посольском приказе в Москве, а когда в 1705 г. при Петербургской море-

ходной математической школе была открыта школа японского языка, Денбея назначили преподавать в ней.

В 1714 г. в помощь Денбею с Камчатки был прислан японец Санима, также попавший в плен к камчадалам и освобожденный приказчиком Чириковым. Неизвестно, хорошим ли учителем японского языка был Денбей, его ученики никак себя не проявили. Но от него в России были впервые, из первых рук, от жителя самой Японии, получены достоверные данные об этой стране.

До этого в России о Японии имелись очень скудные сведения. Они содержались в книге «Космография», написанной в 1670 г. в Холмогорском монастыре. В ней есть глава, посвященная Японии, — «О Иапонии или Япон-острове», — где приводятся некоторые, не совсем достоверные, данные о географическом положении, климате, флоре и фауне, природных ресурсах, системе управления, занятиях, религии, нравах и обычаях Японии. Например: «Иапония — большой остров, лежит в 700 верстах к востоку от Китая, богат золотом, серебром и другия сокровища». Отмечалось, что японские обычаи и письменность схожи с китайскими, что японцы — «люди свирепые», «казнили многих португальских и испанских иезуитов» [9, с. 30—32].

После Денбея в первые годы русского правления на Камчатке были найдены еще несколько потерпевших крушение японских моряков, но сведения о них очень скудны, кроме одного — Саними.

И. П. Козыревский упоминает, что приказчик Тимофей Кобелев, собиравший ясак в 1700—1704 гг., вывез в Якутск японца с бусы, разбившейся на восточном побережье в районе р. Асача, и что он сам «лес видел бусеной в строении у иноземцов» [19, с. 48].

Об остальных японцах мы встречаем сведения у С. П. Крашенинникова в его «Описании земли Камчатки» и в тексте «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревского.

С. П. Крашенинников пишет о том, что в 1710 г. приказчик Петр Чириков спас на Бобровом море (так русские называли Кроноцкий залив) четверых японцев с разбитой бусы. «И понеже японцы полонены были немирными камчадалами, которые близ оной бусы жили, то Чириков имел случай четырех бывших у них японцев выручить; ибо изменники, увидев служивых, в бой с ними вступить не отважились, но оставя японцов, разбежались по лесу» [6, с. 204—205].

Об этом случае есть запись у Козыревского на «Чертеже...» против рек Шемячик (Семячик) и Березовых: «Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили». А рядом следующая запись: «Калигерская губа (Калыгирь. — В. А.). На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу разбило пустую, понеже что было у них, то все в море сами, они, ино-

земцы, сбросали. И носило 4 месяца. А бусу на море видели еще в марте месяце, как носило» [19, с. 47].

Из этой записи на «Чертеже...» можно понять, что японская буса в декабре 1709 г. потерпела крушение у берегов Японии, ее четыре месяца носило по морю, а в марте прибило к берегам Камчатки, где оставшиеся пять моряков (а, возможно, девять, считая, что четверо, спасенных П. Чириковым, это не Кист и Китара) пытались спастись на берегу, но были захвачены камчадалами.

В следующем упоминании Козыревского о японцах год, когда они были найдены, не ясен, а место — район Шипунского полуострова: «Шипун. В сих урочищах двух человек нифонцов, Киста, Китара, служилые люди взяли, а я в то время морем шел и якори четыре (видимо, японские. — *В. А.*) из моря вынял и на земле в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю» [19, с. 48].

Возможно, Кист и Китара — это японцы, спасенные П. Чириковым от «немирных» камчадалов в 1710 г., но Крашеннинников сообщает о четырех японцах, найденных в этом районе.

Еще троих моряков с того же судна И. П. Козыревский нашел в 1711—1713 гг. на западном побережье в районе р. Явина: «Да с разбойной же (разбившейся. — *В. А.*) бусы иноземцов трех человек: Ширюкея, Тиски, Сана — по разным рекам брал в показанных годах (1711—1713. — *В. А.*), в том же числе и выкуп дал за одного» [19, с. 47]. Одного из них, Сана (он же Сак, Санима) Козыревский брал с собой во второй поход на Курильские острова в 1713 г. в качестве переводчика на случай встречи там с японцами. Это именно тот Санима, который в 1714 г. стал помощником Денбея в школе японского языка в Петербурге.

Эти пять японцев (двое — на восточном побережье, трое — на западном) прибыли на Камчатку на одном судне: «Из Кинокуни города ходили в государство (так Козыревский называет столицу Японии Эдо — Токио. — *В. А.*) оные иноземцы Кисть, Китара, Ширюкей, Тиски, Сан — всех 14 человек с торгом, а именно с лесом. И, продав лес, купили вина, табаку, гороху, и, возвратясь, своего городу недошед дни за три, и отнесло ветром в море, а хозяин из государства горою (сушей. — *В. А.*) в свой город уехал. А как их отнесло от земли и стало на море бить волнами, и они дерево (мачту. — *В. А.*) и со снастьми опустили, и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные по найму.

Особливое владение (княжество. — *В. А.*) — город Кинокуни. А владетель — узакинский царь... родственник ближней (императору? — *В. А.*)... И сего города жителей в прошлом 710 году в апреле месяце в Калигерной губе морем к земле разбило, а носило их на море, сказывали, четыре месяца» [19, с. 52]. Получается, что эти пять японцев и четверо, спасенных П. Чириковым, приплыли на одном судне и были земляками Денбея.

От найденных им японских моряков Козыревский получил очень подробные сведения об их стране. Это особенно важно потому, что первый капитальный труд о Японии издан в Европе Кемпфером в 1728 г., то есть через пятнадцать лет после Козыревского.

Козыревский, правда, ошибался в том, что от Камчатки до Японии не так далеко: «И по скаске их, иноземцев (итурупца Шитаная. — *В. А.*), до японского первого города Матмая не доходили де за 7 дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что... от последнего острова (Кунашира. — *В. А.*) до Матманского японского города проезжают судами дни в 3 и в 4, а как они поехали от островов и приехали в 5 дней к Камчатской земле» [19, с. 28].

Козыревский был первым, кто предположил, что японские острова являются продолжением Курильской гряды. Он называет Матмайский остров (Хоккайдо) двадцать вторым, а Нифон остров (Хонсю) — двадцать третьим от Камчатки [19, с. 34]. Уроженец южного Курильского острова Итуруп Шитанай, плененный Козыревским в 1713 г. на Парамушире, сообщил ему сведения о Курильской гряде до Матмайского острова, а о Нифоне ему рассказали японские пленники.

«Матмайский остров. На сем концу стоит Матмай город (Мацумаэ. — *В. А.*) по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцов Кистя, Ширюкея, Сана и других, построен вновь не из давних лет (княжество Мацумаэ основано в 1601 г. — *В. А.*); а которые люди явятца в каких винностях, и тех с Нифона острова ссылают в Матмай город в ссылку» [19, с. 50].

Множество сведений о географии, политическом устройстве, быте, обычаях, армии и вооружении, торговле, промышленности, религии, сельском хозяйстве Японии сообщает И. П. Козыревский со слов спасенных им японцев. Так, он говорит, что «народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей, также и торговым людям не велено, которые ходят и морем (поэтому японские моряки не оказывали сопротивления нападавшим на них аборигенам. — *В. А.*). А в службу де выбирают великовозрастных людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство. А к воинскому делу весьма неискусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда падут на землю или руками глаза закроют, и про других своих людей тако ж сказывали» [19, с. 51].

«А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими и другими владельцами, и нифонским и узакинским, не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и сивере — нифонскому. А все ли владельцы (князья. — *В. А.*) в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полоненные мною и служилыми людьми нифонцы русскому язы-

ку в достаток не навыкли; також и я большим разговором и поступками не заобыкновенен прежде того иностранных государств людей не видал...

Иные полоненные нифонцы сказывали: всех де особливых владельцев (княжеств. — *В. А.*) у них на Нифоне острове близ седмидесять, у которых города каменные и малые пригородки под ними. Да у них же, на Нифоне острове, обретается великой властитель (император. — *В. А.*)... и оному поклоняются большие их цари и владельцы и весь народ... что богу» [19, с. 51].

«А хлеб у них родится по трижды в год, а овощ и всякой земляной плод — безпрестанно; а табак сеют, и множество родится, и делают; а шелковые и бумажные товары делают, ткут мужики и бабы, и оттого одежду имеют торговую.

Государство стоит в великой губе морской над рекою, званием их Эдо, общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А... морские суды... приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень — в Узаку, а в сивер — к камчатской стороне, к Матмаю и в другие города...

И царя своего не выдают. А когда бывает ему ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют, и именем вслух назвать меж собою при других людях не смеют же» [19, с. 52].

Вот такие и много других свидетельств о своей неведомой в то время в России, да и в Европе тоже, родине поведали плененные Козыревским японцы, несмотря на то, что они с трудом понимали друг друга («нифонцы русскому языку в достаток не навыкли», как выразился И. П. Козыревский).

К сожалению, дальнейшая судьба этих японцев, кроме Санимы, неизвестна. Санима в Петербурге женился на русской. Его сын Андрей Богданов работал в библиотеке Академии наук, а затем стал, как и его отец, преподавать в школе японского языка. С его именем связывают создание первых в России японских словаря, разговорника и грамматики [13, с. 39].

Следующий эпизод, связанный с «камчатскими» японцами, произошел у берегов полуострова в 1729 г. Он имел трагические последствия. Его описание можно найти у С. П. Крашенинникова и А. С. Сгибнева. А впервые о нем сообщает В. Й. Беринг. В декабре 1730 г., вернувшись из Первой Камчатской экспедиции, он представил в Сенат предложения о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки. Среди прочих событий, случившихся в его бытность на полуострове, он сообщает: «Прошлого 1729 года... по прибытии моем в Большеретцкий острог репортовал подмастерья Козлов (строитель бота «Святой архангел Гавриил». — *В. А.*), что видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваем, что подлинно японского народу, и показал мне железа, трости и бумагу, что они нашли на малом острове близ Авачина...

Того ради приказал я тамошнему управителю, чтоб послать служивых искать, где оные люди обретаются, и привезть их под охранением, а ежели

впредь вышеписанный японской народ [найдется], то, по моему мнению, надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла (мыс Лопатка. — *В. А.*) имеются острова, и не в дальнем расстоянии остров от острова» [19, с. 96].

В последующем предложение Беринга о возвращении потерпевших крушение у берегов Камчатки японских моряков на родину, как предлог для установления торговых отношений с Японией, использовалось неоднократно (миссия Лаксмана, посольство Резанова и пр.).

Подробности о появлении этих японцев на Камчатке и об их трагической судьбе сообщает С. П. Крашенинников: «В том же 1729 году летним временем принесло к камчатским берегам между Курильскою Лопаткою и Авачею японскую бусу, на которой было 17 человек и несколько товаров; но оные несчастливые люди побиты от случившегося в тех местах пятидесятника Штинникова, кроме двух человек, которые в Санкт-Петербург высланы и имели без сомнения случай к удовольствию своему слышать о казни сего злодея за неповинные убийства земляков своих» [7, с. 222—223].

Крашенинников имел в виду то, что в 1739 г. Походная розыскная канцелярия во главе с майорами Василием Мерлиным и Дмитрием Павлуцким, завершив расследование по делу о восстании камчадалов в 1731 г., приговорила к повешению двух приказчиков за неправильные поборы с камчадалов и пятидесятника Штинникова за убийство 15 японцев [20, с. 54].

Далее Крашенинников пишет, видимо, пересказывая самих японцев: «Оное судно по-японски называлось “Фаянк-мару”, было из города Сацмы, отправлено с сорочинским пшеном, с камками, полосином, пищею бумагою и другими вещами в город Азаку (Осаку. — *В. А.*); и следуя к оному окианом сперва бежали благополучным ветром, потом претерпело противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло их в открытое море, где уже пути своего не узнали. В море носило их так, как веяли ветры, шесть месяцев и 8 дней, считая ноября от 8 июня по 7 число; между тем принуждены они были выметать все свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вместо которого употребляли они долгиа бревна, привязав их за корму... Наконец принесло их к камчатским берегам близ Курильской лопатки, где они от берегу верстах в 5, брося остальные свои якори, остановились, и начали свозить нужные вещи на берег. Потом и все съехали на землю... и поставя шатер 23 дни покой имели, не видав никого из камчатских обывателей, и между тем большее их судно унесло погодою.

После того нашел на них казачей пятидесятник Андрей Штинников с камчадалами. Японцы обрадовались людям, хотя языку не разумели. Начали им оказывать всякую склонность к приветствию, дарить платьем, и что у них

было; напротив чего и с другой стороны приютствовали, только под видом (делали вид. — *В. А.*), и Штинников стоял в 10 сажнях от стану целые два дни; наконец он с камчадалами скрылся от японцев в ночное время к немалому их сожалению. Следующаго дня собрались японцы в малое свое судно, погребли близ берега с тем, чтобы сыскать жиле какое, и отъехали верст с 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинников ломал с камчадалами, и обирал железные припасы. Японцы, несмотря на гибель своего судна, продолжали далее путь своей стороною; но как увидел их Штинников, тотчас приказал камчадалам перенять и побить их. Японцы, видя легкое судно, за ними гонящее, и предвидя свою погибель, вначале стали ублажать и умиловать поклонами, но как вместо склонности увидели пускаемые стрелы, то инные пометались в воду, а остальные отчасти копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову в знак своей покорности, перерублены и в море помешаны; токмо в живе оставлены двое, именем Гонза (Гондзо. — *В. А.*), который был при отце своем штурмане для обучения мореплавания, но и тот в руку раненой; а другой старой (35 лет. — *В. А.*), именем Соза (Содзо. — *В. А.*), который взят был от купечества для провозания помянутого судна, и которой было бросился в море.

Штинников, получа малое их судно, все, что на оном было, себе взял: большое судно для железа сжег, японцев захолопил и со всею тою корыстью в Верхней острог (Верхнекамчатск. — *В. А.*) поехал, надеясь пользоваться варварством приобретенною добычею» [7, с. 222—224].

Некоторые детали к рассказу Крашенинникова добавляет А. С. Сгибнев [20, с. 41]. Прибывший в Верхнекамчатск приказчик Иван Новгородов посадил Штинникова в тюрьму, а японцев отвез в Нижнекамчатск и передал штурману Якову Генсу. Отсюда по приказу майора Д. И. Павлуцкого их отправили в Якутск, оттуда в Тобольск, затем в Петербург, где они были представлены императрице Анне Иоанновне. В 1734 г. их крестили. Гондзо стал именоваться Дамианом Поморцевым, а Содзо — Козьмой Шульцем. Их направили в Академию наук для обучения русскому языку, а в 1736 г. они стали учителями в школе японского языка. Но работать им пришлось недолго: в том же 1736 г. на 43-м году жизни умер Содзо — К. Шульц, а в 1739 г. — 21-летний Гондзо — Д. Поморцев. С. П. Крашенинников пишет: «Для памяти сего случая, что из толь отдаленного места были люди в России, приказала Академия срисовать их, и снять с лиц алебастаровья формы, которыя в Императорской кунсткамере поныне находятся» [7, с. 225].

В 1744 г. на Курильском острове Маканруши русские встретили японца по имени Игач и доставили его на Камчатку. Неизвестно, каким образом он попал на Курилы. Игач советовал русским отправлять суда в порты Эдзо (Магмая — Хоккайдо) с сукном, кожами, китовым жиром и вяленой рыбой [13, с. 62].

Весной 1745 г. судно, шедшее с острова Эдзо в Эдо (Токио) с грузом леса, вяленой рыбы и рыбьим жиром было занесено далеко на север и разбилось у пятого Курильского острова Онекотана. Капитан и шесть моряков погибли, а 10 человек обнаружил сборщик ясака Матвей Новограбленный и привез в Большерецк. Японец Юсончей, назвавшийся старшим, передал русским два меча, документы погибшего судна и подписал ландкарту, составленную по его рассказу о плавании и посещенных им островах. Все это было отослано в Петербург. Сенат и Адмиралтейств-коллегия предписали местным властям отобрать из спасенных пять «умных и способных» и отправить их в Петербург в качестве учителей японского языка. К этому времени в школе японского языка преподавал лишь один Андрей Богданов. Сначала всех японцев отправили в Иркутск.

Известно, что в Петербург был направлен лишь один из них — Токубай [13, с. 39, 60—61]. А вскоре, в 1753 г., закрылась школа японского языка в Петербурге и открылась в 1754 г. в Иркутске, где и просуществовала до 1816 г. Видимо, и в 1750-е гг. японцы попадали в Россию, но сведений о них найти не удалось. Известно лишь, что в Иркутской школе в 1761 г. работали семеро японских учителей и было 15 учеников [9, с. 57].

Самую большую известность и в России, и в Японии получил Дайкокуя Кодаю. Он внес самый значительный вклад в развитие взаимопонимания между нашими странами, что привело к согласию Японии на торговлю с Россией, выразившееся в том, что японские власти выдали в 1793 г. руководителю русской миссии в Японию А. К. Лаксману, доставившему Кодаю на родину, «Лист о дозволенном ходе в Нагасакскую гавань». Впервые Япония разрешила русским торговым судам посещать их страну. До этого таким правом пользовались только голландцы. К сожалению, Россия не воспользовалась этой возможностью, а двенадцать лет спустя посольству Н. П. Резанова, в 1805 г. также доставившему на родину японских моряков с Камчатки, было отказано и в торговле.

О Кодаю и его спутниках написано много и в России, и в Японии. Довольно подробно сообщал о нем посланник Лаперуза Ж.-Б. Лессепс, встречавшийся с ним в 1787 г. в Нижнекамчатске.

13 декабря 1782 г. (К. Г. Лаксман называет 1783 г.) 32-летний Дайкокуя Кодаю в качестве капитана судна «Синсе-мару» с грузом риса и других товаров вышел из гавани Симодо с экипажем в 17 человек. Только двоим из них посчастливилось через десять лет вернуться на родину: самому Кодаю и 19-летнему матросу Исокити. Судно попало в шторм, сломался руль, пришлось срубить мачту. Более семи месяцев их носило по океану. Когда кончилась питьевая вода, приходилось собирать дождевую, подставляя все имевшиеся на судне емкости: бочки, тазы, миски. На «Синсе-мару» находилось 500 мешков риса, поэтому они не голодали. Тем не менее, один матрос умер.

20 июля 1783 г. (у Лаксмана — 1784 г.) их прибило к незнакомому острову, на котором не росло ни деревца. Это был алеутский остров Амчитка. Здесь они встретили семерых алеутов и группу русских промышленников, старшим у которых Кодаю называет некоего Невидимова. В первую же ночь японское судно штормом выбросило на камни. Поэтому японцам пришлось остаться на острове. С русскими у них сложились дружеские отношения, но от сурового климата и непривычной пищи за время пребывания здесь умерли семь человек.

В 1785 г. за русскими промышленниками пришло судно, но и оно разбилось, а команда высадилась на остров. По словам Невидимова, русские суда заходили сюда не чаще, чем раз в пять лет. К. Г. Лаксман пишет, что японцы «принуждены были остаться на сем острове чрез три года и один месяц, в которое время русские промышленники построили из своего разбитого листовнишного судна и из остатков японского из красного и канфарного дерева состоявшего, буса, новое судно, и на оном вывезли в сентябре месяце 787 года в Нижнекамчатск оставшихся 9 человек японцев...» [19, с. 285].

В русских документах впервые об этом 28 января 1788 г. сообщает в рапорте вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева капитан-лейтенант Р. Р. Галл, который, командуя кораблем «Слава России», заходил в 1787 г. в Петропавловск: «В 783-м ис простирающихся от Камчатки, клонящихся к северо-востоку островов, на одном, именуемом Амчитке, на коем жительствоуют алеуты, разбило ж японское судно, с котораго спаслось девять человек японцев, и оныя в 787-м на компанейском же судне вывезены в Камчатку» [19, с. 248].

Кстати, в том же году, по сообщению Роберта Галла, компанейское судно «Св. Георгий» доставило в Нижнекамчатск еще двух иностранных моряков с разбившегося в октябре 1786 г. у острова Медного английского судна Ост-Индской компании под командой капитана Петерса. Р. Галл называет одного из спасшихся и зимовавших на острове Медном бенгальцем, то есть индийцем, а другого — арапом (негром). Этих моряков затем доставили в Петербург для отправки их в Англию. В Большерецке с ними встречался посланник Лаперуза Ж.-Б. Лессепс, который называет одного из них португальцем, а другого бенгальским негром [16, с. 121].

В Нижнекамчатске японцы прожили десять месяцев, до июня 1788 г., русские относились к ним дружелюбно. Зимой через Нижнекамчатск проезжал Лессепс, направлявшийся из Петропавловска в Петербург и далее в Париж. В своей книге «Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири», изданной на русском языке в 1801 г., он оставил любопытное описание жизни японцев в Нижнекамчатске на восьми страницах. Так как это издание на Камчатке имеется лишь в одном экземпляре в мало-

доступной библиотеке Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, приведем это описание достаточно полно. В нем имеется немало любопытных деталей:

«Примечания достойнейшим показалось мне в Нижнекамчатске, и о чем умолчать не могу: девять японцев, которые прошедшим летом занесены были в Алеутские острова, [доставлены] на русском судне, назначенном для торгу выдрами...

Говоривший со мною, по-видимому, имел приметное преимущество пред прочими осмью: известно, что он был купец, а те — матросы, служившие ему. Они ему оказывают отменное уважение и любовь: печалятся и весьма беспокоятся, естли он когда бывает болен или чем-нибудь огорчен, всякой день по два раза посылают одного наведываться к нему. Можно сказать, что и он с своей стороны не менее дружества оказывает им, ибо не проходит ни одного дня, в который бы он не побывал у каждого, и старается о том, чтобы они ни в чем недостатка не имели; имя его Кодаил (Кодаю. — *В. А.*), видом не странен, но более приятен, глаза не так малы, как обыкновенно у китайцев, нос продолговатой, бороду часто бреет. Ростом около пяти футов и довольно статен. Он носил волосы по-китайски, то есть по середине головы оставлял один клочок волос во всю их длину, а прочие брил, но склонили его наконец отростить и завязывать по-нашему. Чрезмерно боится стужи... (далее идет подробное описание его одежды. — *В. А.*). Несмотря на суровость климата, у него всегда руки голы и шея открыта; только повязывает ему на шею платок, когда он выходит на стужу...

Преимущество его перед своими соотечественниками должноствовало бы отличить его; но он более заслужил оное своим благоразумием и кротостию. Живет у г. Орленкова (коменданта Нижнекамчатска. — *В. А.*). Вольность, с какою он входит к коменданту или к другому кому, почли бы в другом месте невежеством; поступает совершенно по своей воле, садится на первый стул, какой попадется, просит подать того, чего ему угодно, или сам берет, естли близко. Табак курит безпрестанно... Он чрезвычайно проникателен, понимает с удивительною скоростию все, что ему изъясняют; сверх того очень любопытен и примечателен. Меня уверили, что он ведет вседневную записку всего, что видит и случается с ним. (Лессепс не ошибся, Кодаю действительно вел подробный дневник. — *В. А.*).

Буквы показались мне такими же, как и китайския, но иначе пишутся; сии пишут, начиная с правой руки к левой, а японцы сверху вниз; говорит по-русски так хорошо, что понимать можно... Обхождением приятен, нравом постоянен, но очень подозрителен... Я удивлялся его трезвости, что совершенно не сходствует со свойством сея страны...

Я спросил его о товарах, которые были сбережены по разбитии его корабля... они состояли из чайных чашек, ящичков и прочих тому подобных

мелочей; был также очень хороший лак, часть оных уже продал в Камчатке» [11, с. 1—8].

Японские моряки жили в Нижнекамчатске в доме у писаря, а сам Кодаю — в доме коменданта Орленкова. Зимой трое японцев умерли от голода, так как отказывались есть говядину и пить молоко. Остальным пришлось питаться мясом, а весной они стали ловить рыбу.

В июне 1788 г. шестерых оставшихся в живых японцев отправили в Иркутск, куда они прибыли 7 февраля 1789 г. От Якутска до Иркутска ехали в разгар сибирской зимы, что явилось причиной смерти по прибытии в Иркутск еше одного матроса, а другому пришлось ампутировать обмороженную ногу.

В Иркутске двое японцев, окончательно потеряв надежду на возвращение на родину, приняли православие. Одного их них, Седзо, окрестили Федором Степановичем Ситниковым, а другого, Синдзо, — Николаем Петровичем Колотыгиным. Они стали преподавать в школе японского языка.

«Из 17 японцев в восемь лет умерли 12, — пишет К. Г. Лаксман, — что чрезвычайным показаться может. Однако сие наипаче приписать должно необыкновенным трудностям и заботам, суровому климату, также переменной и худой пище на островах Алеутских и в Камчатке, почему необходимо нужно об отправлении их в отечество помышлять неукоснительно и предохранять их от подобных затруднений» [19, с. 287].

В Иркутске Кодаю познакомился с жившим там профессором, почетным членом Петербургской Академии наук, известным путешественником и естествоиспытателем Кириллом (Эриком Густавом) Лаксманом, который много сделал для возвращения Кодаю в Японию.

С Лаксманом Кодаю познакомил камчатский чиновник Тимофей Ходкевич, с которым они подружились в Нижнекамчатске. Лаксман называл Кодаю «человеком из первейшим в Японии купцов, от коего можно получить довольныя сведения о японской торговле и вообще о его отечестве» [19, с. 285].

На основании бесед с Кодаю, К. Г. Лаксман 26 февраля 1791 г. направил президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову письмо об оказании помощи японским морякам и о возможности установления торговых отношений с Японией. Сообщая, что у Кодаю есть план возвращения на родину с помощью голландских моряков, он, как когда-то шестьдесят лет назад В. Й. Беринг, предлагал доставить японцев на русском судне и использовать это как предлог для переговоров о торговле. В тот же день К. Г. Лаксман направил А. Р. Воронцову представление «О японском торге», где, ссылаясь на сведения единственного оставшегося в живых живущего в Иркутске участника Второй Камчатской экспедиции 94-летнего Якоба Линденау, обследовавшего по указанию Г. Стеллера устье Амура, говорит о возможности постройки там пристани (порта), куда могли бы приходить японские торговые суда. Другой вариант создания такой пристани и русского селения при нем

для торговли с Японией он предлагает «на южных наших Курильских островах» [19, с. 288].

Отправляясь 15 января 1791 г. в Петербург, Лаксман взял с собою Кодаю. В Петербурге они пробыли семь месяцев. Состоялось несколько встреч Кодаю с императрицей Екатериной II. Первая встреча произошла в Царском селе 28 июня 1791 г., последняя — 20 октября 1791 г. Екатерина II внимательно слушала рассказы Кодаю о перенесенных японскими моряками невзгодах, о Японии, задавала много вопросов. Она согласилась вернуть японцев на родину. 13 сентября 1791 г. императрица направила указ иркутскому губернатору И. А. Пилю об организации экспедиции для возвращения японцев. Главой миссии в Японию сначала планировалось назначить командира Камчатки, но затем Екатерина II решила «для препровождения тех японцев в их отечество употребить одного из сыновей означенного профессора Лаксмана... имеющих познания астрономии и навигации, поруча ему как в пути, так и в бытность в Японских областях делать на водах, островах и на твердой земле астрономические наблюдения и замечания, равно и о торговых тамошних обстоятельствах» [19, с. 304].

Японцев, помимо того, что в России они были на казенном содержании, Екатерина II распорядилась наградить: «Начальнику их Коодаю 150 червонных и золотая медаль, и сверх того ея и. в. пожаловать изволила золотые часы (вручены на последней встрече с Кодаю 20 октября 1791 г. — В. А. [13, с. 98]). Трем купцам (здесь ошибка — третий умер в Иркутске. — В. А.), с ним возвращающимся, каждому по 50 червонных и по серебряной медали.

Двум японцам, принявшим веру православного исповедания и здесь остающимся, каждому по 200 рублей» [19, с. 305].

В отношении двух последних (Сёдзо — Ф. С. Ситникова и Синдзо — Н. П. Колотыгина) в указе сказано: «Как из числа помянутых японцев двое приняли христианский наш закон и, следовательно, в отечество свое уже возвратиться не могут, то употребить их у нас для обучения японскаго языка, который при установлении торговых с Япониею сношений весьма нужен будет» [19, с. 304].

Руководителем экспедиции был назначен второй (из трех) сын К. Г. Лаксмана 26-летний поручик Адам Лаксман, служивший до того в Гижиге. Получив в Охотске инструкции от отца, А. К. Лаксман вышел из Охотска на судне «Екатерина» 13 сентября 1792 г. Командиром «Екатерины» был назначен штурман В. М. Ловцов. На борту находились 39 членов экспедиции и три японца: Кодаю, Коити, Исокити. 7 декабря прибыли в Немуро на севере острова Хоккайдо, где пришлось зазимовать. Во время зимовки, 30 марта 1793 г. умер от цинги один из трех возвращавшихся на родину японцев — Коити. А. К. Лаксман пишет, что японцы не знают цинготной болезни, а лечил его японский лекарь из Немуро собственными средствами. Коити похоронили сами японцы по своим обычаям [10, с. 467—468].

Лишь 4 июля 1793 г. «Екатерина» прибыла в порт Хакодате, где А. К. Лаксман заявил, что ему предписано передать сопровождаемых им японцев правителю Японского государства в городе Эдо. Местные чиновники ответили, что путь в Эдо «затруднителен» и предложили вернуть японских моряков в Хакодате. При передаче Лаксман заявил: «... имею честь и подданных ваших представить в покровительство и призрение ваше, соболезнуя о третьем, умершем в Нимуру, что не достиг сего счастья» [10, с. 485].

20 июля «ввечеру сдал пришедшему... старшему чиновнику препровождаемых японцев Кодая и Исокича... для препровождения их в столицу Эдо. По сдаче же упомянутых нами привезенных японцев уже более не видели. 21-го числа принесли от начальствующих чиновников в принятии ими своих подданных, Кодая и Исокича, расписку» [10, с. 486]. Кодая было 43 года, Исокити — 29.

О дальнейшей судьбе Кодая и Исокити сообщает С. Накамура. 18 сентября 1793 г. в «Павильоне любования фонтанами» в замке Эдо их принял 11-й сегун (правитель Японии) Иэнари в присутствии членов правительства, где их подробно расспрашивали о России. Им была назначена ежемесячная выплата на содержание: Кодая — 3, а Исокити — 2 рё (японская золотая монета). Затем их отправили на поселение на плантацию лечебных трав, приказав ничего не рассказывать о России. Правда, Кодая разрешили встречаться с японскими учеными и обучать их русскому языку. Кодая женился, его сын стал ученым, известным под именем Дайкоку Байин. Умер Кодая 15 апреля 1828 г. в возрасте 78 лет. Исокити дожил до 70 лет и умер в 1834 г. [13, с. 117—118].

На основании записей Кодая японский писатель Иноуэ Ясуси создал роман «Сны о России», где рассказывает о дружелюбном отношении русских к японцам, о жизни в России в XVIII в. [9, с. 64].

Из оставшихся в Иркутске японцев Накамура сообщает лишь о Синдзо (Колотыгине), что он опубликовал в России сочинение «О Японии и японской торговле», обучал своему языку ученого Генриха Клапрота, женился на русской и имел троих детей, скончался в Иркутске в 1810 г. [13, с. 119]. Другой японец, Сёдзо (Ситников), которому ампутировали обмороженную ногу, видимо, умер раньше.

В том же 1793 г., когда миссия А. К. Лаксмана передала японским властям Кодая и Исокити, на один из Андреяновских островов (самые южные в Алеутской гряде) после нескольких месяцев дрейфа в Тихом океане было выброшено судно «Вакамия-мару» с 16 моряками на борту. Оно вышло из Сёндая в январе. Судьба этих моряков похожа на судьбу Кодая и его спутников. В 1797 г. их доставили в Иркутск, возможно, через Камчатку. К 1803 г. шестеро из них умерли, шестеро приняли православие, а четверо пожелали вернуться на родину [13, с. 131].

Этих четверых в 1803 г. доставили в Петербург, где их принял император Александр I. Решено было отправить их на родину вместе с посольством Н. П. Резанова на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, совершавшего первое русское кругосветное плавание. Н. П. Резанов надеялся, что возвращение этих несчастных, более десяти лет разлученных со своим отечеством, увеличит его шансы на успех предстоящих переговоров [8, с. 35].

Судьба этих японцев сложилась несладко.

После одиннадцатимесячного плавания из Кронштадта в Петропавловск они вынуждены были два месяца пробыть на Камчатке, ожидая отплытия в Японию. Затем еще месяц провели в плавании до Нагасаки, куда прибыли в начале октября 1804 г. Вскоре после прихода в Нагасаки японский губернатор просил Резанова отдать ему доставленных, но тот не согласился, надеясь лично представить их императору. Через несколько недель губернатор повторил свою просьбу, но снова получил отказ. Лишь после того, как 16 января 1805 г. один из японцев попытался лишить себя жизни (шел восемнадцатый месяц после отправления из Кронштадта), Резанов сам обратился к губернатору с просьбой забрать у него привезенных японцев, но теперь в этом отказал губернатор.

И. Ф. Крузенштерн пишет: «...сии бедные люди по преодолении трудного пути, продолжавшегося четырнадцать месяцев, хотя и прибыли в свое отечество, однако не могли тотчас наслаждаться полным удовольствием, которое они в отчизне своей обрести надеялись, но вместо того принуждены были семь месяцев находиться в неволе и заключении. Да и не известно, возвратятся ли они когда-либо на свою родину, которая была единственной целью их желания, понудившего их оставить свободную и малозаботную жизнь, какую препровождали они в России» [8, с. 168].

Крузенштерн предполагал, что причиной покушения моряка на свою жизнь мог быть дошедший до него слух, будто привезенные Лаксманом японцы осуждены на вечное заключение (что не соответствовало действительности). Более вероятным поводом к покушению Крузенштерн считал угрызения совести этого японца, передавшего японским чиновникам клеветническое письмо, «в котором жаловался не только на жестокие с ним в России поступки, но и на принуждение их к перемене веры, прибавив к тому, что и посольство сие предпринято главнейше с намерением испытать, нельзя ли ввести в Японию христианского исповедания» [8, с. 169].

Лишь перед самым отходом на Камчатку, в апреле 1805 г., удалось передать японских моряков на родину. По окончании переговоров Резанову были вручены бумаги, «содержащие запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию... Если вперед случится, что японское судно разобьется у берегов российских, то спасшихся японцев должны рос-

сияне отдавать голландцам для доставления оных через Батавию (Яву. — *Ред.*) в Нагасаки» [8, с. 170].

Из оставшихся в Иркутске японцев с «Вакамия-мару» известно имя лишь одного — Дзенроку. Он получил фамилию Киселев и после смерти в 1810 г. Колотыгина оставался единственным учителем в школе японского языка [13, с. 158].

В октябре 1804 г. у Курильских островов потерпело крушение японское судно, моряков с которого доставили в Петропавловск. И. Ф. Крузенштерн упоминает о своей беседе со шкипером этого судна, состоявшейся в Петропавловске в июне 1805 г., где тот сообщил ему некоторые сведения о японской экспансии на Южные Курилы [8, с. 200].

В 1786 г. на Южных Курильских островах побывала экспедиция Могами Токунаи и обнаружила на острове Итуруп лишь троих россиян и пустующие базы русских промышленников на Урупе. В 1798 г. на Итуруп прибыл японский отряд из 180 человек во главе с Кондо Сигэтоси. Японцы уничтожили русские кресты и поставили свои столбы с надписью «Эторофу — владение великой Японии». В 1801 г. то же самое они сделали на Урупе, где имелось русское поселение, основанное в 1795 г. по распоряжению Г. А. Шелихова. В 1801 г. из 38 русских поселенцев — сибирских крестьян — здесь оставалось 17 человек, а в 1807 г. Н. А. Хвостов не обнаружил никого из них, но зато нашел японского чиновника, 30 солдат и трех переводчиков [13, с. 122—126].

То же самое происходило и в заливе Анива на юге Сахалина. В этом убедились И. Ф. Крузенштерн и Н. П. Резанов, когда в мае 1805 г. они на обратном пути из Японии посетили Южный Сахалин, где встретили небольшую японскую факторию, в которой жили несколько японцев, в том числе два офицера. «Мы могли заметить, что японцы поселились здесь недавно, потому что дома офицеров, а особенно амбары были совсем новы, некоторые еще не окончены», — пишет Крузенштерн [8, с. 200].

Японцы чувствовали себя как дома. На них безропотно работали до четырехсот сахалинских айнов. О причинах японского присутствия на Сахалине Крузенштерн пишет, что официально японские офицеры обязаны были только смотреть за торговлей с айнами, чтобы не допустить злоупотреблений. «Но если сообщенные мне одним японским шкипером (о котором мы упоминали выше. — *В. А.*)... в Камчатке в июне 1805 г. известия справедливы, в чем я не сомневаюсь, то виды японского правительства не столь благонамеренны» [8, с. 200].

Моряки «Надежды», убедившись, что японцы, в нарушение законов Токугавы, запрещающих им покидать пределы своей империи, стали незаконно осваивать южное побережье Сахалина и южные Курильские острова, пришли к единодушному мнению, что надо удалить их из русских владений. Все

острова в Тихом океане к северу от Хоккайдо, как открытые русскими людьми, по указу императора Павла I от 1799 г. о создании Российско-Американской компании (РАК) были отданы в ее распоряжение.

И. Ф. Крузенштерн предлагал для защиты Южного Сахалина от японцев установить там русскую батарею, но после получения на это согласия русского правительства. Но Н. П. Резанов не желал ждать так долго и приказал офицерам, находившимся на службе РАК, лейтенанту Н. А. Хвостову и мичману Г. И. Давыдову, командирам фрегата «Юнона» и тендера «Авось», изгнать японцев с Сахалина и Южных Курил.

В октябре 1806 г. Н. А. Хвостов уничтожил японскую базу в заливе Анива, взял в плен четырех японцев и отправился на «Юноне» на зимовку в Петропавловск, где уже находился «Авось». Летом 1807 г. Хвостов и Давыдов еще раз побывали на Сахалине, затем уничтожили японские посты на Урупе, Итурупе и Кунашире, взяли в плен еще нескольких японцев. Восемьерых пленных они высадили на Хоккайдо, а двоих — Сахээ и Накагава Городзи — взяли с собой в качестве переводчиков и доставили их в Охотск.

Действия русских моряков в 1806—1807 гг. были единственным случаем насилия по отношению к японцам, приведшим к обратному результату. Япония стала укреплять свое присутствие на Южных Курилах и Сахалине. На Южных Курилах с 1808 г. Япония стала держать не менее тысячи солдат. Отношения с ней окончательно испортились.

В 1811 г. японцы вероломно захватили на острове Кунашир руководителя второй русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Более двух лет он и шесть моряков «Дианы» провели в плену. Пребывание в неволе не прошло для В. М. Головнина даром. Он смог составить одно из наиболее полных описаний Японии. Его труд «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» был опубликован в 1816 г. и переведен почти на все европейские языки. В книге содержатся ценнейшие сведения об укладе жизни и государственном устройстве японцев, об их культуре, вероисповедании и обрядах, промышленности и торговле, народонаселении и военных силах.

Выручил Головнина и его товарищей из плена и доставил их в Петропавловск его друг и помощник, будущий начальник Камчатки, принявший командование «Дианой», Петр Иванович Рикорд. Рикорд считал, что можно было бы обменять пленников на равное количество спасенных японцев. Такой обмен между европейскими странами был обычным делом. В том же 1811 г. у берегов Камчатки затонуло японское судно, с которого спаслись шестеро моряков. «18 июля 1812 года, быв в совершенной готовности к отплытию, принял я на шлюп шесть человек японцев, спасшихся с разбитого на камчатских берегах японского судна, для отвоза их в отечество... Что всего удивительнее, как будто определением самого провидения из всего экипажа

японского судна спаслось ровно то самое число людей, сколько японцы захватили наших» [17, с. 380].

С. Накамура сообщает, что эти японцы были из г. Сэтцу (префектура Осака). Из шестнадцати человек десять умерли от голода. Среди живых находился некий Кудзо, которого отправили в Иркутск учителем японского языка, но его вернули обратно, так как школа закрылась. Он привез с собой вакцину от оспы. Кудзо написал «Заметки о дрейфе у берегов России», в которых много рассказывается о русских обычаях, приводится около двухсот шестидесяти русских слов и даже помещены тексты русских песен [13, с. 155—156]. Седьмым оказался захваченный в плен в 1807 г. Н. А. Хвостовым японец Городзи (Рикорд называет его Леонзаймо, второй — Сахээ — умер), доставленный из Иркутска в качестве переводчика.

Плавание 1812 г. оказалось неудачным. Японцы заявили, что Головнина с товарищами нет в живых, переводчик Городзи, отправленный на берег, не вернулся, и Рикорд отпустил на волю остальных японских моряков. (Кстати, Городзи изучал в России медицину, и, вернувшись в Японию, был первым, кто начал делать прививки от оспы).

Когда Рикорд собирался уже уйти с Кунашира, не добившись достоверных сведений о судьбе своего командира и его товарищей, оставшись без переводчика, ему повезло. Спасаясь от непогоды, в бухту зашло японское судно «Кансэ-мару», на котором находился владелец целой флотилии из десяти судов Такадая Кахэй. Он возвращался с Итурупа в Хакодате на юге Хоккайдо. Это был тот самый купец, которому управитель Итурупа Кондо Сигэтоси еще в 1799 г. поручил быть поставщиком товаров из Японии на Итуруп. Такадая Кахэй, как понял Рикорд, был известным в Японии человеком, а не простолюдином, как предыдущие японцы. Рикорд решил взять его в заложники, а вместе с ним еще четверых матросов, не пожелавших расстаться со своим хозяином.

От Такадая Кахэя Рикорд узнал, что русские пленники живы и содержатся в Хакодате. В Петропавловске Рикорд поселил Такадая Кахэя в своем доме. Они постоянно общались, и к весне прекрасно понимали друг друга и подружились. Одно огорчало их обоих: не выдержав тяжелой камчатской зимы, умерли двое японских матросов.

Летом 1813 г. «Диана» снова была на Кунашире. При посредничестве Такадая Кахэя переговоры прошли успешно. Японцы разрешили «Диане» прийти в Хакодате, где 1 октября 1813 г. Головнина и его товарищей передали русским, и «Диана» вернулась в Петропавловск.

После эпопеи с вызволением из плена В. М. Головнина, в котором немаловажную роль сыграли доставленные с Камчатки японские моряки и пленники, сведения о найденных на Камчатке японцах довольно скудны. Эти слу-

чай упоминаются в книгах Л. Н. Кутакова «Россия и Япония» и С. Накамура «Японцы и русские». Так, Л. Н. Кутаков сообщает, что в 1815 г. штурман Средний, плававший на «Диане» с Головинным и Рикордом, должен был доставить на судне «Св. Павел» трех спасенных японских моряков с письмом иркутского губернатора Н. И. Трескина японским властям из Петропавловска на Итуруп, так как посещение японских портов для русских кораблей было закрыто. Но из-за штормовой погоды высадка не удалась, и «Св. Павел» с японцами вернулся в Петропавловск. В 1817 г. с тем же письмом Трескина были отвезены на Итуруп уже шесть японцев [9, с. 93—94].

Видимо, к трем добавились моряки, привезенные из Русской Америки, о которых сообщает С. Накамура. В ноябре 1813 г. судно «Токудзэ-мару», шедшее из Нагоя в Эдо, попало в шторм. Пятнадцать месяцев оно дрейфовало в Тихом океане, два новых года моряки встретили в открытом море. Лишь в начале 1815 г. их спасло английское судно, доставившее их на Аляску. Управляющий РАК А. А. Баранов отправил их на Камчатку, куда добрались лишь двое оставшихся в живых, среди которых был капитан Сигаёси. Из Петропавловска их и доставили на Итуруп. Сигаёси впоследствии составил в Японии «Русский разговорник» и написал сочинение «Русская одежда и утварь». В 1822 г. в Японии вышла его книга «Дневник капитана судна “Токудзэ-мару”» [13, с. 157].

В 1836 г. с Камчатки на Итуруп были доставлены три, а в 1843 г. — шестеро японцев на бриге РАК «Промысел» под командованием штурмана Гаврилова [9, с. 94]. В 1850 г. были спасены семеро моряков, потерпевших крушение у берегов Камчатки. Император Николай I распорядился отправить их на судне РАК. «Князь Меншиков» под командой Линденберга доставил их в порт Симодо, но местные власти отказались принять без разрешения центрального правительства. Поэтому Линденберг высадил японцев на пустынный берег недалеко от Симодо.

Все приводимые нами факты говорят о том, что Россия всегда стремилась к дружбе и добрососедству с Японией. Главнейшей целью в отношениях с Японией Россия считала установление торговых отношений. Все действия русских в отношении потерпевших крушение японских моряков соответствовали указанию Сената, данному В. Й. Берингу еще 28 декабря 1732 г.: «А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оною вояжу в море погибающия японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или судны их, буде мочно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать... дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, и что чаще посылаю будет, то больше известия получать мочно» [19, с. 128—129].

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.
2. *Бондаренко О. Я.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.
3. *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах... — Хабаровск, 1972.
4. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
5. *Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720—1830. — М., 1972.
6. Колумбы земли русской. Сб. документов. — Хабаровск, 1989.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
8. *Крузенитерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.
9. *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. — М., 1988.
10. *Лаксман А. К.* Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении // Головнин В. М. Указ. соч.
11. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Пер. с фр. — Ч. 2. — М., 1801.
12. *Мартыненко В. П.* Путешествие в страну Уйкоаль. — Петропавловск-Камчатский, 1987.
13. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.
14. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. — М., 1969.
15. *Петров В.* Русские в истории Америки. — М., 1991.
16. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
17. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Указ. соч.
18. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. — М., 1984.
20. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.